

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

15.12.2015

№12 (57) Декабрь 2015 года

• Презентации Где та Орловка?

Одно дело – читать книгу в виде отдельных глав, подаваемых из номера в номер в литературно-краеведческой газете «Светлячок», и совсем другое – взять в руки добротный иллюстрированный сборник в твёрдом переплёте. Эту разницу хорошо почувствовали участники презентации первой книги прозы Владимира Юринова под названием «На картах не значится», прошедшую на днях в андреапольской библиотеке. Даже знакомые уже читателю главы заиграли в непрерывной цепи повествования по-другому. «Да он настоящий писатель», – сказали андреапольцы о своём земляке.

Впечатление от самого вечера тоже было ярким. Владимир не стал рассказывать о себе, как делал это на первой презентации в Великих Луках, где книга и появилась на свет (выпущена великолукским издательством «В. Быстров»). В нашем городе, где он прожил тридцать лет, автора хорошо знают, читали его стихи, с удовольствием присутствовали на его творческих вечерах.

На этот раз стихи и песни Владимира были больше на военные темы, ведь именно армейской службе в отдалённом заполярном посёлке Орловка, проходившей в период перестройки, его книга.

За тысячи километров от нас то место, на картах не обозначенное по причине секретности. Но так узнаваема была ситуация, описанная Юриновым, что зрители с места спешили сообщить, как жили в похожем доме, когда автор зачитывал отрывок из книги. Или вспоминали сходные случаи из своей жизни, сопровождая рассказ автора о неординарных и весёлых событиях дружным смехом.

Одним словом, книгу приняли «на ура». И по домам расходились «с чувством глубокого удовлетворения», как было принято выражаться в те далёкие уже теперь времена.

М. Алексеева

• Первая книга

«НЕБО СИНЕГЛАЗОЕ, БЛЕСКА ДАЙ ОЧАМ...»

Читать стихи Натальи Шабановой – всё равно, что сидеть у звенящего ручейка, или прогуляться полевой тропинкой, или пройти деревенской улицей. Они – сама глубинная Россия, её вековая светлая печаль, «грусть тоскующей земли».

Всмотритесь, и вы увидите, как «лес ещё голый, но дымкой слегка ветви подёрнул седые», как «грачи взлетают с чёрных пашен», как «у дряхлого пня копошатся жучки: их солнце весны разбудило», как «с небес струится свет лазоревый».

Вслушайтесь, и «зашумят великаны» деревья, «чуть прогреется кромка земли», а в «лугах привольных» польются «песни в праздники престольные, те, что пелись от души». А зима «санным скрипом слух тревожит, хрустом веток в тишине».

Главная лирическая героиня Шабановой – «Русь белоствольная и вольная», которой она признаётся в любви:

Я до боли, до отчаянья
Влюблена в цветущий лён
И в тебя, сирень печальная,
И в тебя, мой старый клён.

Что добавить после таких проникновенных строк. Разве что несколько слов из биографии автора.

Наталья Ивановна Шабанова из наших мест: родилась в деревне Жукопа, которая ею и воспевается. По профессии учитель русского языка и литературы.

Стихи пишет с детства. Публичности не ищет, но в литературной жизни Андреаполя участвует охотно. Её стихи регулярно печатаются в районной газете, в литературно-краеведческой газете «Светлячок», выпускаемой при Андреапольской библиотеке. Есть они в районных поэтических сборниках, включены в сборник поэтических переключек трёх районов (Андреаполь – Нелидово – Пено), вышедший в марте 1915 года.

По разрозненным публикациям судить о творчестве поэта сложно. Поэтому порадуемся, что Наталья нашла возможность выпустить собственный сборник. В нём в полной мере проявляется её творческий почерк, авторская индивидуальность и образные особенности, свойственные только её стиху.

Книга, написанная душой и сердцем, будет, наверняка, востребована читателем. Пожелаем автору удачи!

М. Петрова

• Избранное

**Наталья
Шабанова****КОНТРАСТНЫЙ МИР**

Мир полон контрастов,
Иллюзий, обмана.
В нём воздух пропитан
Парами дурмана.
Пестрят магазины,
Афиши, рекламы –
Элитная жизнь
По элитной программе:
Авто, рестораны,
Шикарные клубы,
Меха, декольте,
Сочно-пухлые губы.
Шампанское, свечи
И радужный свет...
А рядом – прохожий
В отрепье одет.
Бездомные дети,
Бессильный старик,
Безвременной смерти
Пугающий лик.
Разруха, болезни,
Наркотиков плен,
Война, нищета,
Отвратительный тлен.
А между мирами –
Большая река,
Спасителя храм
И слова на века:
Так будьте же зрячими,
Люди Земли,
Дарована жизнь вам
Во имя любви!

ОДУВАНЧИКИ

Лёгкий пух одуванчиков
над лугами повис.
В тёплом лунном сиянии
Вальс танцуют «Каприс».

Точно снежное марево
Среди лета и гроз
Головёнками белыми
Застелило покос.

Но лишь ветер застенчивый
Их коснётся слегка,
Как пушистою снежностью
Задымятся луга.

Ах, шары одуванчиков,
Вас коснуться боюсь,
Вдруг исчезните мигом вы –
И останется грусть.

МУЗЫКА ПОД ДОЖДЬ

«Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами...»
Мелодией наполнен весь салон,
А за окошком дождь бежит ручьями.

Стучит по стёклам и течёт слезой.
И кажется, что длится он веками,
А музыка о том, что «...шар земной
Не уплывёт под нашими ногами».

Гитары плач и тихая печаль,
И голос Аллы мягок и лиричен.
И этот мир, что под косым дождём,
Мне дорог стал и даже симпатичен.

Бежит автобус, музыка плывёт,
И вьётся лентой узкая дорога.
А мне тепло от музыки под дождь –
Для счастья нужно ведь совсем немного.

НО УЛЫБНУЛИСЬ ВЫ НЕ МНЕ

Плескался в заводях рассвет,
Карасики плескались.
А я молчала столько лет,
Признаться не решалась.
До нитки вымокло пальто,
Синее сливы губы.
Как подойти? Ну, кто я? Кто?
А вы мне были любы.
Взглянуть боялась, но ждала,
Поймать ваш взгляд хотела.
И встрепенулась вдруг душа,
И вырвалась из тела.
Вы шли навстречу, вы ко мне?
Я верю и не верю...
Но улыбнулись вы не мне,
Той женщине, у двери.

ЗАПАХИ

Пахнет весна подснежником,
Мутною талой водой.
В парке под старым валежником
Вырос цветок голубой.
Пахнет снегами проталина
И прошлогодней травой.
Сопка с брусничкой оттаяла,
Привкус земли луговой.
Запах медовый у тополя,
Ягодный вкус у вина.
Кровью лишь пахнет бредовое
Страшное слово – война.

- Хранится в памяти

СКАТЕРТЬ

Эту скатерть мы, дети, увидели, когда я училась классе в пятом-шестом. Ею торжественно накрыли новый стол в новой квартире на улице Советской, где до сих пор живёт моя младшая сестра Нина. А я приезжаю сюда в гости из Твери.

Скатерть была, на наш детский взгляд, по-царски красивая. На коричневом фоне, вытканном из тончайшей шерсти, распустились яркие розы с сочными зелеными листьями. Обрамляла скатерть позолоченная бахрома.

Мы стали расспрашивать маму и бабушку, откуда такая красота взялась? И услышали длинную и интересную историю.

Эта скатерть многие годы передавалась из поколения в поколение. Ей несколько сотен лет, по нашим прикидкам. Моей маме, Людмиле Турчиной, она досталась от бабушки Марии, родившейся в 1901 году в Сумской области. А ей она досталась от приёмной матери.

Бабушка осталась без матери в младенчестве. Отец, уже имея на руках двух старших сыновей – Петю и Алёшу, отправил малышку на воспитание и постоянное место жительства на брянщину, в богатую семью, где воспитывались и другие осиротевшие девочки из разных мест. Сейчас я понимаю, что это была своего рода благотворительность. Приёмная мать была глубоко верующая. Жила она с престарелой матерью. В народе их и звали монашками. Своих детей у неё не было.

Бабушка рассказывала мне, что эта скатерть уже была в приёмной семье, с тех пор, как она себя помнит.

Время шло, старших приёмных девочек выдали замуж. Причём женихи были не случайные, а тщательно подбирались приёмными бабушкой и матерью. Старались найти благонадежных. Моя бабушка из воспитанниц осталась скоро в семье одна, она была самой младшей. А вновь осиротела, когда ей не было и шестнадцати. Свою судьбу она решала сама. В наследство ей остались дом, земля и всё накопленное.

Во время революции у шестнадцатилетней бабушки землю конфисковали. Требовали отдать золото. Бабушка отрицала его наличие. За что была увезена в город и несколько дней просидела в камере. Допрошенный работник из их дома, подтвердил бабушкины слова. Спасло её то, что она была сиротой. Скатерть была надёжно спрятана.

Второй раз скатерть пришлось схоронить в буквальном смысле слова, её зарыли в землю с другими ценными вещами в годы Великой Отечественной войны. Так сберегали вещи от немцев.

Война на брянщине, где тогда жила бабушка с семьёй, длилась долго. В селе Лужки Стародубского района жилось не сытно. Ели траву, подчас голодали, но скатерть бабушка сберегла, на еду не променяла. Ушли немцы, но пришли бандеровцы. От этих досталось полной мерой: угрожали, издевались, сожгли дом. Пришлось скитаться по родственникам и выживать. Спасало то самое золото.

Сейчас скатерть хранится в нашем Андреапольском музее. Сдала её туда моя мама незадолго до смерти.

Несколько слов о том, как мама оказалась в Андреаполе. Она приехала сюда юной девушкой вслед за своей старшей сестрой Любой, история замужества которой тоже интересна. Её будущий муж, андреаполец Михаил Станкеев, в военные годы в качестве фотокорреспондента снимал местность, где проживала моя мама с родителями. Сама Люба была отправлена немцами на работы в Польшу. Молодому военному фотокору очень понравилась местность, над которой летал тогда. Решил вернуться туда после войны, оттуда и привёз себе молодую жену, мою тётю Любу.

В этот раз, находясь в Андреаполе, я решила навестить в музей. Много слышала о нём интересного. А, кроме того, очень захотелось ещё раз взглянуть на семейную реликвию: ту самую памятную скатерть из моего детства.

Увидела. И рада тому, что теперь родной краеведческий музей хранит наши домашние реликвии с нашими историями. И наверняка передаст эти истории нашим потомкам. Ведь из маленьких частных историй и складывается большая история страны.

Раиса Суслова (Турчина),
Андреаполь – Тверь

• Снежное

Маргарита Петрова

Ниоткуда и неожиданно,
Не по срокам календарным,
А волшебным чудным даром
Хлынул снег, как с неба манна.

Первый, лучезарный, чистый,
Завтра он таким не будет.
Словно в назиданье людям,
Будто свод небесных истин.

Напряглась в груди пружинка:
След мой – первый по аллее,
Молодею, молодею
С каждой новенькой снежинкой.

Трость забыта на скамейке,
Руки небу подставляю
И ловлю снежинок стаи,
Как желанья чародейка.

Сквозь кисейную преграду –
Луч фонарный ниткой тонкой.
Тень моя летит девчонкой
По заборам и фасадам.

Наталья Иванова

Я жду прихода неизбежной, скорой
Зимы. Сегодня сотней мелких пуль
Мне ветер первый снег швырял за ворот –
Не белый пух, а манную крупу.
Он застывал тончайшим льдом на лужах,
Прохожих разгоняя по домам.
Отныне – покоряться ветрам южным,
Владеть отныне северным ветрам.
Таится в снеге воплощенья чудо –
Рождаться, а к полудню умирать,
К полуночи опять лежать повсюду,
Водою мутной убегать с утра.
Раскачиваться в выцветших кормушках,
Напрасным кормом потчюя синиц,
В наследстве бедном лютых зим минувших
Не обманув крупою белой птиц.

Игорь Столяров

Пороша белесая стынет,
Прохожих – три тени крестом.
Февраль, будто пес-далматинец,
Метет черно-белым хвостом.

Метели поют ошалело,
В поземки закутана даль.
По тропкам судьбы черно-белым
Плутает пятнистый февраль.

Весна затерялась в дороге,
И пестрый ее поводыр
Все ищет на зимнем пороге
Прикрытые снегом следы.

А ночью скулит за стеною,
Доверчиво просится в дом:
"Впустите, давайте со мною
Немножко весну подождем!"

Пётр Бобунов

Прощай, январь, зимы экватор!
Поднявшись утром с той ноги,
сгребая весело лопатой
уже за этот год долги.
Вообразу себя чужим
послом пустыни среди снега,
маршрутка мимо пробрюзжит:
«Давай, паши, коль понаехал!».
Представятся легко и просто
мне, расчищающему тропку,
и шапка – тубетейкой пёстрой,
и груди снега – белым хлопком.
А им широкая лопата
распоряжается, как жизнь:
налево – для фуфаяк вата,
направо – волокно для джинс.
Вот путь свободен, снова – свой,
не в заточенье, не в засаде.
Теперь – завод, потом – домой,
листать Есенина с Саади.

Светлана Большенкова

Отзвенели вёсны, отрыдали осени.
Вьюги сердобольные плат на плечи бросили.
Согревайся, матушка, отдыхай, сердешная.
Всё укроет белизна, белизна безгрешная.

Светлана Виноградова**АПРЕЛЬ**

Кто-то взбежал на крылечко,
Тронул дверное кольцо...
Жалобно всхлипнула речка,
Льдинкой поранив лицо.

Ласки душа просила.
Или куда-то звала?
Нет, не найти мне силы
Даже поднять глаза.

Вот он – горячий и нежный –
Мой! лишь навстречу вздохни!
Что же на сердце так снежно,
Что оно так болит?

Владимир Юринов**ЗАВЕРШЕНИЕ**

Чёрный лес на белом снегу,
фиолетово-серо над ним –
вот пейзаж, который могу
завершить движеньем одним:
тонкой кисточкою, слегка,
лишь одну добавлю деталь –
точку странника, по снегам
уходящего вдаль...
вдаль...

Динка и дезоксирибонуклеиновая кислота

Рассказ

Как-то вечером на Динку накатило.

С ней периодически случалась такая неприятность: ей вдруг, ни с того ни с сего, становилось грустно и одиноко, игры и разные прочие забавы делались неинтересными, а в глазах начинали сами собой закипать непрошенные и очень горячие слёзы.

Неприятность эта чаще всего случалась с ней, когда на улице была плохая погода: какой-нибудь мелкий и противный затяжной дождь или, наоборот, – свирепая метель, которая ночь напролёт воеет под окном и к утру наметает сугробы чуть ли не до второго этажа.

Средство от этой болезни имелось. Средство называлось «мама». Когда Динке становилось совсем невмоготу, она шла к маме, забиралась к ней на колени и прятала лицо на тёплой маминой груди.

– Ну вот, – говорила в таких случаях мама, – опять на нашу дочку накатило...

Мама знала множество лекарств от этой Динкиной болезни. Чаще всего она брала какую-нибудь весёлую книжку и начинала читать её Динке вслух. Не проходило и пяти минут, как Динка уже вовсю заливисто хохотала и порывалась читать сама, вместо мамы.

Или мама начинала учить Динку каким-нибудь интересным вещам. Например, вязать крючком забавных мягких зверушек. Или складывать из листов бумаги чудесных волшебных птиц.

А в особо тяжёлых случаях, когда ни книжка, ни ножницы с крючком не помогали, мама вела Динку на кухню и принималась печь что-нибудь удивительно вкусное – какие-нибудь плюшки, ватрушки или даже шпендрики...

В тот вечер мама помочь Динке не могла – она лежала в ванне с огуречной маской на лице. И Динка, подумав, пошла к папе. Папа сидел в своём любимом кресле и читал толстую книгу. Динка подошла и подёргала папу за колено.

– Дина, дочь моя, – отозвался папа из-за книги, – ты же видишь – я немножечко занят.

– Па-ап... – позвала Динка и хлюпнула носом.

Папа поверх очков внимательно посмотрел на Динку, закрыл книгу, отложил её вместе с очками на тумбочку, после чего подхватил Динку под мышки и усадил её к себе на колени.

– Что, накатило? – сочувственно спросил он.

Динка всхлипнула и уткнулась ему в плечо.

– Скучно?.. – спросил папа, глядя её по голове.

Динка вздохнула.

– Грустно?..

Динка кивнула.

– И некому руку подать?

Динка промолчала.

– Ну вот что, – сказал папа. – Давай мы поступим по-другому. Давай ТЫ будешь задавать мне вопросы. У тебя ведь есть вопросы?.. Вот скажи, что тебя интересует сейчас больше всего на свете?

Динка задумалась.

– Больше всего на свете?.. Ну... Больше всего на свете меня интересует... Что у нас там внутри? – и она похлопала себя по животу.

– Внутри? У нас? – папа хмыкнул. – Ну, внутри у нас много чего есть. Ну, например, сердце. Или, к примеру, лёгкие.

– Нет, – сказала Динка, – это я всё знаю. Это ты мне уже рассказывал. Сердце там, мозги, печёнки разные. Я не про это... Из чего это всё состоит?.. Ну вот, дом – он из кирпичей. А человек из чего?

– А, ты вот про что. Это, кстати, очень интересный вопрос, – папа почесал себе кончик носа. – Человек... да и не только человек, вообще – все живые существа... все организмы, они состоят из клеток...

– Из клеток?! – удивилась Динка. – Это из таких, как для птиц?

(продолжение на стр. 6)

(начало на стр. 5).

– Нет, – сказал папа, – клетками они просто называются. А на самом деле это... ну, что-то типа маленьких мешочков. Но только живых. Очень-очень маленьких. Таких, что их только под микроскопом разглядеть можно... И что интересно, – продолжал папа, увлекаясь, – каждый такой малюсенький мешочек представляет собой целую сложнейшую лабораторию, фабрику, целый завод. И каждый занят своим делом. Клетки кожи – защищают организм. Клетки крови – снабжают его кислородом. Клетки мозга – думают. Все органы, даже отдельные их части, состоят из совершенно разных клеток. Разные слои кожи – из разных клеток, кровь – из своих клеток, кости – из своих, желудок – из своих. И что интересно, – каждая из этих клеток является отдельным живым организмом. Она, как и все организмы, питается, работает, отдыхает и даже размножается...

– Размножается? – удивилась Динка. – Рожает маленьких... клетят?

– Нет, – сказал папа. – У клеток этот процесс происходит несколько по-другому. Они никого не рожают. Они делятся. На две одинаковые клетки...

– Рвутся?

– Раздваиваются. В клетке, которая собирается делиться, происходит удвоение всех её органов. Ну вот, как у тебя, например, стало бы два сердца, два желудка...

– Четыре глаза, – подсказала Динка.

– Да... И вот, когда у неё все органы удвоились, клетка делится напололам. На две одинаковые клетки. Вот как на куртке молния – вж-жик – и расстегнулась. Вот так и клетка – раз! – и уже две клетки. И обе клетки – совершенно одинаковые. А чтобы они получались совершенно одинаковыми, для этого в ядре клетки есть специальная молекула в виде двойной спирали. Она называется ДНК...

– Дэнка?

– Не дэнка, – поправил папа, – а дэ-эн-ка. Это – сокращённо. А полное её название – дезоксирибонуклеиновая кислота.

– Как?!

Папа повторил.

– И вот эта штука есть внутри у каждого?!

– Да, – подтвердил папа. – И не просто у каждого из нас, а внутри каждой клетки каждого из нас.

– Офигеть! – сказала Динка.

– Диана Алексеевна!

– Ой! – Динка зажала себе рот ладошкой. – Прости, пожалуйста. Вырвалось... А скажи ещё раз, как она называется?

– Дезоксирибонуклеиновая кислота.

– Это – бомба! – сказала Динка. – Завтра в классе расскажу – вот они все офи... удивятся.

Динка сползла с папиных коленей и ушла к себе в комнату. Но через минуту прибежала обратно:

– Скажи это слово ещё раз, пожалуйста...

И весь вечер Динка то и дело прибегала к папе и спрашивала:

– Дикси... как?..

– Рыбо... нукля... как-как?..

В конце концов папа не выдержал и, взяв листок бумаги, крупными печатными буквами написал Динке на нём так понравившееся ей слово. Динка уволокла листок к себе и до самого отбоя просидела над ним, шевеля губами и поминутно в него заглядывая. И даже ночью, случайно проснувшись, она тут же включила прикроватную лампу и, достав из-под подушки свою, уже изрядно помятую шпаргалку, сверилась по ней...

Назавтра, вечером, Динка встретила пришедшего с работы папу в прихожей.

– Папа, – сказала Динка, заложив руки за спину и глядя в пол, – а тебя в школу вызывают.

– Это же за какие такие твои заслуги? – поинтересовался папа, снимая пальто.

– За дезоксирибонуклеиновую кислоту, – без ошибок выговорила Динка.

– Ого! – сказал папа, даже забыв повесить пальто на вешалку. – По таким глобальным причинам меня в школу ещё ни разу не вызывали. Давай, рассказывай.

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

Динка вздохнула.

– Ну чё, я на перемене рассказала ребятам про эту... кислоту. Сказала, что она внутри у каждого из нас имеется. Что она живая. В клетках живёт. И что умеет размножаться... Ну... многие поверили... Но не все. А Стелькин, тот сразу сказал, что всё это – брехня. Что такие штуки только у полных дебилов внутри могут жить. Или у тех, кто руки не моет.

– Ну, – сказал папа, – а ты?

– А что я... Я сказала, что он дурак и неуч.

– Так, а он?

– А он обозвал меня тупой овцой.

– А ты?

Динка вздохнула.

– А я ему нос разбила.

Папа крикнул.

– Дина, дочь моя...

– Да... – сказала Динка, – Я знаю. Драться нехорошо... Но уж больно этот Стелькин противный!

– Понятно, – сказал папа. – И теперь твоих родителей вызывают в школу.

– Да, – подтвердила Динка. – Тамара Ивановна попросила тебя прийти.

– Ну, вот что, – сказал папа, повесив наконец пальто на вешалку и стягивая ботинки. – Я завтра, в некотором роде, занят. У меня, понимаешь, дела, работа... Пусть мама ходит в школу. Тем более что она с твоей Тамарой Ивановной в прекрасных отношениях...

– Нет, – строго сказала Динка. – Так не пойдёт. Мама тут совсем ни при чём. Ты эту кашу заварил. Тебе и расхлёбывать.

Владимир Юринов; Андреаполь

Рисунок Ирины Старомужевой; Новоселки, Жарковский район.

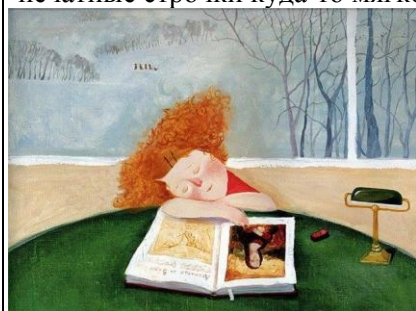
Средство от бессонницы

С бессонницей шутки плохи. Кто имел с ней дело, это хорошо знает. Не давала как-то мучительница покоя и мне. И душ, перед тем как лечь спать, принимала, и позу лотоса, и прогулки на воздухе совершала, и молоко тёплое пила... Ничего не помогало! Вдруг мне в руки детективчик попал – простенький, незатейливый, но главная героиня всегда держала у изголовья постели книгу под названием «Библейские холмы» Эриха Церена. Вот здесь, оказалось, и кроется самое интересное. Стоило ей прочесть одну-две странички удивительного повествования об истории древних цивилизаций, как глаза сами собой закрывались, и девушка крепко засыпала, какие бы тяжёлые мысли её в тот момент ни томили.

... Чем чёрт не шутит! Достану-ка я себе эту книжку! У знакомых поспрашивала, в библиотеках ... Увы! Уже было смирилась с неудачей. Но, правда говорят, что-то ТАМ есть! И действительно!

В один прекрасный вечер мыла дома полы. Возилась с тряпкой у книжных шкафов (их три, набитых до отказа подписными изданиями и множеством самой разной литературы, вплоть до брошюрок). Встала на колени, чтобы вытереть пыль возле ножек шкафа, и вдруг перед самым носом, на нижней полке за стеклом, вижу корешок книги, а на нём написано: ЭРИХ ЦЕРЕН БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ. От радости глазам своим не поверила.

А вечером устроила эксперимент. Хотите – верьте, хотите – нет, но спустя минут десять после того как я, устроившись под одеялом, прочла несколько страничек этой удивительной книги, взор мой затуманился, печатные строчки куда-то мягко уплыли, и я благополучно уснула.

Книгу эту берегу. Она, действительно, очень ценная и познавательная... Но, наверное, в основном для специалистов в области исследований древности, а обывателя она способна повергнуть в здоровый сон.

Если же на вас это «снотворное средство» не подействует, могу предложить ещё один книжный вариант – «Иудейскую войну» Лиона Фейхтвангера. Бесспорно, это произведение – источник уникальных сведений о легендарном Иосифе Флавии, глубоких познаний о древнем мире, но... так хорошо под это всё засыпается! Правда!

Светлана Виноградова,
Нелидово

• Новое имя

**Светлана
Большенкова,
Нелидово**

Работала в нелидовской районной газете. О том, что она пишет стихи, знали лишь близкие друзья. Она и сейчас называет их «мои незрелости».

ТЕРЯЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Золотятся храмов купола.
Крепостной стены глаза-бойницы.
Закусили кони удила.
Пыль по-над дорогою клубится...
Русь моя! Ты мирною была.
Сыновей рожала. Хлеб растила.
Если же на битву вдруг звала,
Грозную тогда являла силу.
Побеждала верой и мечом,
Потому чисты твои криницы.
Из которых недруг нипочём
Не рискнёт воды святой напитокся.
Золотятся храмов купола.
Облака плывут неспешной стаей.
Русь моя! Расправь скорей крыла,
Силушку былую обретая.

* * *

Снега упали. Мир застыл,
и стало тихо.
Снега упали, пригвоздив
шаловное лихо.
Оно дорожным полотном
опять зовётся,
И снова песнь про ямщика
над полем вьётся.

* * *

По мокрым крышам ночь скользит.
В потёмках стылых дождь лопочет.
Предупредить о чём-то хочет
Или страшает, паразит?
Ковром опавшая листва,
Заметно тронутая тленом.
И я под музыку Шопена
Нещадно мучаю слова.

* * *

Кистью дерзкою умелой
Разукрашено окошко.
Что же ты, мороз, наделал?
Мёрзнет хвост у нашей кошки.
Вон лежит на печке жаркой
День-деньской. Ей нет заботы,
Что вот-вот начнут товарки
На котов сезон охоты.

КВАРТИРАНТ

Деревня эта, семь домов,
В осенней слякоти тонула.
Но всё ж от городских дворов
К себе безудержно тянула.
Здесь пахло прелюю листвою,
Печным дымком, коровьим стадом.
Пустите, бабы, на постой.
Другого мне уже не надо.

ТУМАН

Подползал по-пластунски. Сторожко.
А у самой калитки твоей
Схоронил вдруг куда-то дорожку
И завесил фонарь лицедей.
Пёс бродячий охрип и не лает.
Над деревней висит тишина.
Ну, и как я теперь угадаю,
Где живёт та чужая жена,
Что и словом манила, и взглядом,
И бедром так призывно вела?
Утонула в тумане награда,
Что, казалось, моею была.
Полз туман по-пластунски. Сторожко.
А у самой калитки твоей
Был я битым. И не понарошку.
Развелось, мол, в селе кобелей.

* * *

Света лунного дорожка,
ночь владычицей в дому.
Я впусти тебя в окошко,
коль не скажешь никому.
Что ж вы ходики молчали?!
Знаю лишь, царица-ночь
проболтается едва ли,
чью теперь качаю дочь.

* * *

За минуткою – минутка,
За годочком годики.
Громко тикают на стенке
Скороходы-ходики.
Ну и что, что пятьдесят!
Всё как прежде можетя.
Пусть стареют зеркала.
Нам-то что тревожиться?!

* * *

Снег ложится на дорожку,
А на улице ни зги.
Я свои больные ножки
Суну в тёплые сапоги.
Среди ночи собираюсь
Я не к нечисти на пир.
Как на полюс снаряжаюсь
В промороженный сортир.

• «Тверской
переплет»

Борис Рапопорт

Вышний Волочек

Автор четырёх
поэтических сборников,
лауреат литературной
премии имени М. Е.
Салтыкова-Щедрина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хочешь счастья?

Возвращайся!

Дому старому – поклон.

Оглядишься, не обольщайся:

видишь, сед твой ранний клён.

Видишь – брёвна почернели,

паутину серебра,

кочаны заоченели

в огороде ноября.

Ты не веришь в запустенье.

Этот царственный покой,

словно дикое растение,

оживает под рукой.

Ты снимаешь коромысло

в синих сенях со стены,

чтоб полнёхонькой повисла

пара ведёр жестяных.

На скамье заденешь ковшик,

тяжко шубу скинешь с плеч.

Что безродней есть и горше,

чем нетопленая печь?

Ты сосновые полешки

у крылечка поколи,

но вначале печь – полегче –

докрасна не накали,

потому что даже камень –

человека не виню –

очень трудно привыкает

к настоящему огню.

МУЗА

Любящий внимать иносказаньям,

песням, параллельным бытию,

я увидел музу за вязаньем –

тоненькую девочку мою.

Я подумал: это всё неправда –

ей витать, как прежде, в облаках.

Но плескалась правдашняя прядка –

пряжа в голубых её руках.

Я подумал: это мне лишь снится.

Но в рассветной дробной тишине

возникали не лучи, а спицы –

палочки, реальные вполне.

На полу, горяч и осязаем,
заплясал оранжевый клубок...

Я увидел музу за вязаньем
и подумал, что и впрямь я Бог.

Муза, как мне с нею было грустно,
если б не проникло в бытие
не сквозное чувство, а искусство
трепетной умелости её.

Муза, я себя не защищаю,

но пойми, родная, и прости:

как я раньше жил, не ощущая

радости вещей твоих простых?

Как я жил, зачем искал в зените

кружево изящного вранья?

...Расплетает утренние нити

тоненькая девочка моя.

ПЕРЕПЁЛКА

Надо мною совсем не случайно

ветер сильные руки простёр.

Я за ним отправляюсь, как в тайну,

в синеглазые песни озёр.

Там по-вешнему сыро и волгло,

и за синим раздольем лесным

всё кричит и кричит перепёлка:

– Будь моим,

будь моим,

будь моим!

Мне запомнится солнечный лепет,

звон берёз от листа до листа.

Я хочу, чтобы ясное лето

никогда не смыкало уста,

чтоб всегда неумолчно и долго

сквозь разливы, разлики и дым

мне кричала моя перепёлка: –

Будь моим,

будь моим,

будь моим!

КОНСКИЙ ЩАВЕЛЬ

Я один на голубом лугу –

стар, но незауздан, нестреножен,

горечь трав я впитывать могу

чёрными ноздрями прочной кожи,

я ещё, ребята, ого-го!

Я ещё привычек не оставил

жеребьячьих.

Я ещё легко

соберу в букеты конский щавель,

к ним добавлю кашки луговой,

оглянусь – на свете тихо-тихо,

и гуляет где-то кентавриха

за высокой скользкою травой.

• Нижегородцы

ВОЛК УТАЩИЛ

Четвероклассник Володя коллекционировал марки. У него их было два маленьких альбома. Сделав домашнее задание, он все свое свободное время отдавал маркам: рассматривал их, раскладывал, снова разглядывал и опять перекладывал.

Однажды перед Новым годом к ним в гости пришла его тетка с сыном. Четырехлетний Олег заглянул в комнату своего двоюродного брата. Володя, занятый марками, едва удостоил взглядом своего меньшого родственника, но, заметив в его руках подарок, любезно пригласил к себе.

- Откуда подарок? – заискивающе спросил Володя.
- В садике дали.
- Шоколадные конфеты все сожрал?
- Нет еще. Они почти все целы, - потряс подарком Олег.
- Угостишь?
- Да.

Володя сам выбрал конфеты. По-хозяйски засунув руку в целлофановый мешок, он ловко извлек оттуда пять шоколадных конфет и одну карамельку. Олег, видя такое беззаконие, терпеливо промолчал.

– Ну, а теперь пойдем в зал. Я покажу тебе нашу елку. Подарок можешь оставить здесь, чтоб не мешался, – сказал Володя и повел меньшого брата в зал.

Оставив Олега возле елки, Володя опять ушел в свою комнату. Олег долго смотрел на елку, пока не услышал доносившийся из соседней комнаты голос мамы:

– Олег! Собирайся. Сейчас домой пойдем.

Олег заглянул в комнату брата.

– Тебе чего? – недружелюбно спросил его Володя.

– Я за подарком.

Лицо Володи сделалось трагическим.

– Твой подарок волк утащил.

– Как утащил?

– Прибежал такой большой лохматый. Зубами подарок цап и в окно.

Лицо Олега заметно покраснело. Володя, видя, что тот вот-вот заревет, поспешил покинуть комнату, оставив братишку одного возле своего стола. Олег, едва сдерживал от обиды слезы, рассматривая марки разложенные на столе. Его опять позвали. Олег вышел в прихожую и стал одеваться.

– А где твой подарок? – спросила Володина мама. – Съел уже?

– Нет. Не съел. Его волк утащил.

Стоящий рядом Володя тихонько хихикнул. Взрослые переглянулись.

– Ну, что ж. Раз утащил, значит утащил, – сказала мама и подтолкнула Олега к двери.

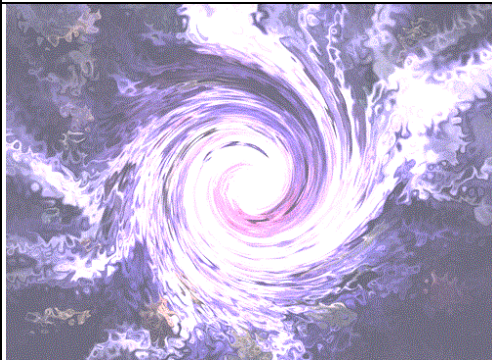
– А ты что видел, как он его утаскивал? – смеясь, спросила тетка.

– Видел, – утвердительно кивнул Олег, – подарок у него в мешке вместе с марками лежал.

Володя, негромко вскрикнув, бросился в свою комнату. Оба альбома были пусты. Он вернулся в прихожую, но гости уже ушли.

Михаил Малышев

• Чудеса в решетке

Пересечение времён

Если уж и рассказывать эту историю, то именно в предновогодье. Таинственное время. Народ в предпраздничной суете, в беготне по магазинам за продуктами, подарками, ёлками готовится подсознательно к встрече с чудом. Пусть с маленьким, личным, но всё-таки чудесным.

А сколько фильмов со счастливым концом о золушках, находящих своих принцев, покажут в эти дни по телевизору. А сколько волшебных историй расскажем мы друг другу. Чуду в эти дни – самое место.

Моя история – бль, услышанная когда-то от мамы. И она совсем не о золушках и принцах. И совсем не новогодняя. Но тоже о чудесном, о том, чего объяснить не получается до сих пор.

Случилось это летом в конце тридцатых годов. Мама, тогда ещё совсем юная девушка, жила примерно в десяти километрах от районного посёлка Серёжино – на хуторе Авиново. В Серёжино же и ходила на работу. Поэтому вставала затемно и, собрав с собой перекуску на целый день, отправлялась в путь по глухой лесной дороге.

Однажды, когда уже явственно проступали через утренние сумерки окружающие предметы, увидела она на той дороге необычного мужчину. Он пересекал её путь на каком-то низеньком животном, похожем на ослика, которых в тех краях сроду не водилось. От растерянности мама остановилась. А необычный всадник продолжал свой путь.

Мама явственно видела отрезок дороги, которая пересекала её путь, хотя на самом деле никакой дороги там не было. Утро стояло тёплое и сухое, никаких луж и грязи в окрестностях не было. Ослик же разбрызгивал копытами ошметки жидкой грязи. Ноги необычного странника были обуты в остроносые туфли, скроенные на восточный манер. По маминому описанию его обуви мне сразу вспомнился сказочный старик Хоттабыч.

Испуг свой безмерный мама осознала лишь тогда, когда явление исчезло. Не растаяло, как это, говорят, бывает с призраками, а просто незнакомец, вполне материальный и осязаемый, на мамин взгляд, скрылся из виду. Обратил ли он на неё хоть какое-то внимание, она так и не поняла. Но в контакт, к её счастью, вступить не пытался. Просто ехал по своей дороге в ему одному известном направлении.

Я эту историю услышала уже в девяностые годы. Не верить маме у меня не было оснований, так как не врать и не брать чужого – было её главными правилами.

Мы с ней пытались как-то объяснить, что бы это могло быть? Перебрали варианты от призраков и миражей до пересечения времён и перемещения в пространстве, так называемой телепортации.

Хотели даже написать в журнал «Очевидное – невероятное», кажется, так он назывался. В нём освещались темы, которые серьёзная наука рассматривать и обсуждать считает ниже своего академического достоинства: Тунгусский метеорит и Атлантида, Бермудский треугольник и тайны древних цивилизаций, "снежный человек" и Несси, НЛО и SETI, аварии и катастрофы, тайны природы и многое, многое другое. Но до письма дело так и не дошло. Почему, сейчас уже и не вспомнить.

Мамы теперь нет, но история в моей памяти укоренилась. И не даёт покоя до сих пор. Из каких времён и пространств нарисовался в нашем захолустье столь необычный субъект? И для чего?

Маргарита Петрова,
Андреаполь

- И веет древними поверьями...

Иван Курничёв

* * *

Проснулся леший в чаще на Покров.
 Девичьи посиделки у овина.
 Недалеко до молодых снегов
 Из блеклого уже ультрамарина.
 Уже не будет деревенской Русь –
 Те времена обмыты и отпеты.
 Но хоронить Россию не возьмусь,
 Еще живут народные приметы.
 Молитву Богородицы Святой
 На Покрова прочтет девица в храме...
 Добавит: «Женишком меня укрой,
 Как землю белоснежными снегами».
 Вода остыла, лист на землю пал.
 Не шелестят раскидистые клены...
 Святого лика явственный овал –
 Еще трепещет свечка у иконы...

Маргарита Петрова

* * *

Леший хлопает в ладоши –
 нынче Ерофеев день.*

В этот день он нехороший.
 Ишь, хохочет, как злодей.

В лес – ни шагу, защекочет.
 Куролесит до утра.
 На рассвете крикнет кочет –
 уходить ему пора.

Срок – под землю провалиться,
 вот и злится дух лесной.
 Человеческие лица
 терпит леший лишь весной.

Ну а ты, хоть и не леший,
 мозг выносишь день-деньской.
 Знать, не зря назвали Лёшей.
 Нервы, друг мой, успокой.

* По народным поверьям, на
 Ерофея (Иерофея) – 17 сентября
 по лесам бродят лешие.

Пётр Бобунов ОКОВСКИЙ ЛЕС

Если, скажем, ты душою
 истомишься до чудес,
 вспомни: тут – подать рукою,
 в двух шагах Оковский лес.
 Значит попусту не майся,
 обувай-ка сапоги,
 по погоде одевайся
 и ступай туда, где мхи

по утрам туманы лижут,
 обрамляя всё росой,
 где картины осень пишет
 охрою и бирюзой.
 Паутинки наших судеб
 там сверкают на ветвях,
 Вплетено в них всё, что будет,
 выбирай-ка, где твоя!
 Но не всё в лесу так просто,
 набежит от тучи тень –
 в сумерках за чей-то остов
 принимаешь всякий пень!
 Зашевелятся коренья,
 за тобою поползут,
 кожей чувствуешь движенье! –
 Где-то холод, где-то зуд!
 Вдруг пахнёт затохлой тиной,
 ходуном заходит мох,
 то Невылазень трясинный
 под тобою чешет бок!
 Зверь неведомый и гадкий,
 коль живёт на дне болот,
 говорят, что скользкий, гладкий
 и большой, как кашалот!
 Если кто-то ненароком
 хоть мельком его видал,
 тех в пучину уволок он.
 Вот такая, брат, беда!

Сердце ёкнуло и стало,
 мох вздохнул, ещё разок...
 К счастью, солнце засверкало,
 страх согрелся и утёк,
 прихватив с собою скуку!
 Вот такой Оковский лес!
 Приходи сюда по клюкву,
 есть развесистая здесь!

Светлана Большенкова ДОМОВОЙ

Половица скрипнула легонько.
 Закачалась штора на окне.
 Знать вернулся. Не было долгонько.
 Он ушёл, как будто, по весне.
 Может быть, обидели случайно,
 Ненароком бросили словцо.
 Он ушёл и без него печально
 Кошка Тома стережёт крыльцо,
 Чтоб другой в избе не укрепился.
 Нам других не надо. Был бы
 свой.
 Половица скрипнула. Явился.
 Слава Богу! Дома Домовой.

(начало в №3 (24)-12(33); 1 (34)-12 (45); 1(46)-11(56).

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

«Особенно обращаю ваше внимание, товарищи офицеры, на возможный пронос в казарму спиртных напитков. Если уж трезвый солдат представляет собой нешуточную угрозу для обороноспособности страны, то про пьяного солдата и говорить нечего! Бутылка водки в казарме – хуже бомбы!.. Запомните, товарищи офицеры! Этого вам не говорили в школе на уроках географии, поэтому слушайте сюда!.. Как установлено нашими славными советскими учёными, группа пьяных солдат по своей непредсказуемости и разрушительной силе вплотную приближается к техасскому торнадо. А это уже, товарищи офицеры, – даже не война, а самое настоящее стихийное бедствие!..

Капитан Крамаренко!.. Я вижу, что это – вы... На инструктаже надо не дремать, а слушать начальника. Слушать, не дыша, с вождением. Испытывая при этом острые приступы служебного рвения. Что?.. Оправдания потом!.. Вы, товарищ Крамаренко, заступаете дежурным по полку, и на вас лежит основная ответственность за дисциплину в казарме... Вы, товарищ капитан, видели когда-нибудь обезьян?.. В зоопарке?.. Очень хорошо! Так вот, запомните, стая разбушевавшихся половозрелых павианов по сравнению с нашими доблестными защитниками Отечества, принявшими на грудь хотя бы по двести грамм, – это просто палата больных- паралитиков во время послеобеденного тихого часа!..»

Ну, и так далее, и тому подобное, ещё на добрых тридцать минут.

Но, несмотря на столь подробные и вдохновенные инструктажи, пьянки в казарме случались, причём случались с пугающим постоянством.

Так вот, как я уже сказал, антиалкогольная кампания нанесла по нашим «зольдатенам» очень болезненный удар. Они и в добрые-то времена испытывали немалые трудности при добыче «огненной воды». Дело в том, что до ближайшего винного магазина от казармы был добрый десяток километров. Но, как известно, для бешеной собаки и сто километров не крюк, так и эти десять километров при большом желании не являлись для солдата непреодолимой преградой.

Ну, а с введением драконовских ограничений на спиртное жизнь у «зольдатенов» вообще несказанно усложнилась. Теперь купить вождеденную бутылку в магазине стало для них попросту невозможно. И солдат стал искать обходные пути.

Каких только рецептов не напридумывал пылкий солдатский ум для того, чтобы этот самый ум одурманить! Спирт извлекался из всего, из чего его вообще можно было извлечь, а порой и из того, из чего его извлечь нельзя было в принципе. Во всяком случае, у Дмитрия Ивановича Менделеева руки бы опустились точно. «Зольдатены», естественно, периодически травились, но время от времени изобретали поистине удивительные способы введения себя в состояние опьянения без нанесения летального ущерба своему организму.

За пять лет антиалкогольной кампании я узнал от наших солдат не менее десятка самых экзотических способов доведения себя до «состояния нестояния». Нет, я не собираюсь их здесь все приводить. Во-первых, я пишу не пособие для начинающих алкоголиков, а правдивую повесть об Орловке, а во-вторых, большинство этих способов уже достаточно известны широкой публике и, скорее всего, были занесены в Орловский гарнизон всё-таки извне.

Я расскажу только об одном рецепте, который, я уверен, является истинным орловским «ноу-хау», поскольку я больше никогда, нигде и ни от кого не слышал о столь экзотическом способе самоодурманивания.

Зимой 87-го в казарме полка один за другим стали попадаться пьяные солдаты. Поначалу случаи были единичными, но потом «употребившие» пошли, как говорится, косяком. Командование заволновалось. Спешно было проведено несколько служебных совещаний. Волнение командования было вызвано не самим фактом появления пьяных солдат – к этому все уже давно привыкли, и даже не массовым характером этого явления, а тем, что опьянение это было каким-то... неправильным. То есть визуально солдат был пьян – от лёгкой степени эйфории до состояния полной невменяемости, – а от него не пахло! То есть вообще! И главное, сам солдат знал, что от него не пахнет. Знал и умело этим пользовался, вешая командирам на уши лапшу любого содержания, начиная с того, что он просто, дескать, устал, и заканчивая тем, что, мол, пил в столовой компот, а дальше ничего не помнит. Было выдвинуто несколько рабочих гипотез, но ни одна из них не выдержала последующей проверки. Был допрошен целый ряд попавшихся солдат. Допросы велись с

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

пристрастием, как говорится – с зажиманием пальцев в дверь, но абсолютно все допрашиваемые держались стойко, как оловянные солдатики, или вовсе отмалчиваясь, или неся такую несусветную «пургу», что у командиров само собой возникало жгучее желание на самом деле зажать им в дверь пальцы или что-нибудь посуущественнее. Разгадка пришла неожиданно и, как это часто бывает, совершенно случайно – двое «гвардейцев» были взяты «с поличным», в самый момент подготовки к употреблению.

Оказалось, что ещё с месяц назад группа солдат обратилась к командиру эскадрильи с просьбой выделить им несколько старых шинелей на предмет пошива из шинельного сукна стелек в сапоги. Комэска, естественно, пошёл навстречу пожеланиям солдатских масс. Ещё бы! У бедных солдатиков ножки мёрзнут! Бедным солдатикам надо помочь! Обогреть! Старшине эскадрильи была отдана соответствующая команда. Несколько вечеров подряд солдаты на глазах у наряда и ответственных офицеров кроили себе стельки из шинельного сукна. Некоторые офицеры даже помогали и давали ценные советы своим подопечным. Старых шинелей было много, сукна не жалели, и стельки – из сложенной вчетверо плотной шинельной ткани, обмётанной суровой ниткой по краям, – выходили на загляденье. Об эскадрильи инициативе узнал замполит полка. Умилившись трогательной заботе начальников о своих подчинённых, он в приказном порядке поставил задачу утеплить солдат и других подразделений. Вскоре инициативу полка подхватили и части обеспечения. Спустя буквально несколько дней тёплые качественные стельки в сапоги получила вся срочная служба гарнизона.

Собственно, с этого времени и начали появляться в казарме загадочные «уставшие» солдаты. Ларчик, как водится, открывался просто. Войлочные стельки, на самом деле, понадобились «жемчугам драгоценным» вовсе не для утепления ног, а для введения в организм одурманивающего химического вещества. Конкретно – ацетона. Рецепт был до безобразия прост. Стелька обильно пропитывалась ацетоном, закладывалась в сапог, сапог надевался на босую ногу и – вуаля! – буквально через полчаса славный защитник Отечества превращался в «буратино», в том смысле, что его можно было грузить, как дрова. Из рта «буратино» запаха не было никакого, а то, что в казарме слегка пахло ацетоном, абсолютно никого не настораживало – казарма была большая, в ней постоянно шёл какой-нибудь ремонт и кто-нибудь где-нибудь обязательно что-нибудь красил.

Я думаю, что после этой нашумевшей на весь Дальневосточный военный округ истории выражение «пьяный в стельку» приобрело для всех посвящённых совсем иной, вполне конкретный и совершенно утилитарный смысл.

Вообще, в вопросах добычи спиртного, наши обычно не блещущие особыми умственными способностями солдаты выказывают настоящие чудеса изобретательности и сообразительности. В этой связи мне вспоминается новогодняя история со спиртом из сейфа начальника нашей полковой ТЭЧ.

Впрочем, пожалуй, этой историей лучше начать отдельную главу, повествующую...

О воровстве

В последние дни декабря, перед Новым 1988 Годом, начальник ТЭЧ полка майор З. получил на складе АТИ (авиационно-технического имущества) восемь литров спирта-ректификата. Событие, в общем-то, было рядовое, начальник ТЭЧ получал такие объёмы спирта на нужды своего подразделения если уж не ежемесячно, то ежеквартально – точно. Вся пикантность и неординарность события заключалась в словах: «перед Новым Годом». Эти три слова кардинально меняли всю обстановку. Начальник ТЭЧ знал, что солдаты его подразделения, лишённые доступа к алкогольным благам цивилизации и по-своему готовясь к новогодним праздникам, сделают всё, чтобы «откусить» от этой сладкой добычи хотя бы малую её часть. Тем более что о получении со склада восьми литров бесценной влаги в подразделении, уж неизвестно каким образом, знали буквально все. Поэтому майор З., дабы не допустить потери ни единого грамма драгоценной жидкости, предпринял всё, от него зависящее, и даже пошёл на небольшое должностное преступление.

Спирт был разлит в стеклянные банки и помещён в сейф. Сейф закрыт и опечатан. Кабинет, в котором находился сейф, был также закрыт и опечатан, а ключ от кабинета, в нарушение установленной инструкции, был не передан дежурному по стоянке подразделения, а взят начальником ТЭЧ домой. «Ничего, – объяснил свой поступок майор З. своему заместителю, – нарушение небольшое, зато я буду праздновать спокойно и спать спокойно...»

Однако ни праздновать спокойно, ни спать спокойно у начальника ТЭЧ не получилось.

Наступили новогодние праздники.

Поздно вечером 31 декабря дежурный по полку доложил командиру части, что в казарме имеет место ЧП: личный состав срочной службы ТЭЧ практически поголовно пьян. Командир тут же по телефону «накрутил хвост» начальнику ТЭЧ. Тот, предчувствуя недоброе, вызвал машину и, прихватив с собой заместителя, понёсся в казарму.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

Всё было так, как и описывал дежурный по полку: солдаты ТЭЧ в разной степени праздничной расслабленности бродили по казарме, собирались в гогочущие кучки, затевали малопонятные трезвому человеку игрища и разборки. В помещении стоял устойчивый запах свежего перегара. Несколько наиболее расслабленных тел лежало в разных углах казармы на нерасстеленных кроватях. В туалете было наблёвано.

В результате срочно предпринятых оперативных действий удалось изъять у празднующих несколько полупустых солдатских флаг. Во флагах оказался чистейший спирт. Майор З., уже ощущая противный холодок в животе, но всё ещё надеясь на лучшее, рванул на аэродром.

Дежурный по стоянке подразделения встретил своего начальника докладом о том, что за время его дежурства никаких происшествий на вверенном ему участке не случилось. Майор З. не дослушал его и ринулся к своему кабинету.

Печать была на месте, замок был цел. Начальник ТЭЧ вытер обильный пот, но всё-таки, на всякий случай, вскрыл кабинет и осмотрел сейф. Печати на сейфе также оказались в исправном состоянии. И всё-таки что-то было не так. Чуткий нос майора З. уловил слабый спиртовой запах, витающий в кабинете. С замиранием сердца майор З. сорвал печати и распахнул дверцу сейфа. Сейф был пуст...

Следствие продолжалось почти неделю. По ходу расследования вскрылись детали тщательно продуманного, злодейского преступления.

В охраняемый ангар ТЭЧ злоумышленники попали с тылу, через помещение мастерских, где ими заранее была оставлена незапертой одна из форточек. На следующем этапе охотникам за спиртом необходимо было попасть в кабинет начальника ТЭЧ, который, к слову, располагался в виде этакого «скворечника» под потолком ангара на семиметровой высоте. К запертой и опечатанной двери кабинета вела крутая и узкая металлическая лестница. Широкое окно кабинета смотрело на ангар, дабы начальник мог, не вставая со своего рабочего места, контролировать работу своих подчинённых. Через это окно злоумышленники и решили проникнуть в кабинет. Для этого им пришлось изрядно потрудиться. Для начала они откатили чуть в сторону стоящий в ангаре самолёт (на минуточку, весом в 15 тонн). Затем они собрали и подтащили под окно ремонтную площадку, применяемую для работ с высокорасположенными самолётными агрегатами. С площадки к окну приставили две стандартные самолётные стремянки. Окно было аккуратно вынута из рамы, после чего путь в кабинет оказался открытым. Меньше всего проблем доставил сейф. «Зольдатены» даже не потрудились его вскрыть. Они просто приподняли металлический ящик и хорошенько его встряхнули, после чего достаточно было подставить под сейф ведро и собрать в него вытекающий из разбившихся банок спирт. Вся операция заняла около часа, после чего злоумышленники «замели следы» и отправились в казарму делить добычу.

Эта новогодняя история ещё раз со всей наглядностью показала, что нет в природе таких препятствий, которые бы не смог преодолеть советский солдат, если там, впереди, за препятствиями, его ждёт хорошая да к тому же ещё и дармовая выпивка.

Вообще-то, если смотреть на вопрос трезвым непредвзятым взглядом, то всё это наше таскание с аэродрома канистрочек с керосином и «шмурдяком» тоже было не чем иным, как самым обыкновенным вульгарным воровством. Однако никто из нас себя вором, естественно, не считал. Действительно, «шмурдяк» наш был чисто сэкономленным, добытым, так сказать, за счёт личной смекалки и не в ущерб обороноспособности страны. А если говорить насчёт керосина... Согласитесь, в авиационном полку, где керосин ежедневно сжигается десятками тонн и сотнями литров проливается (в прямом смысле этого слова!) на землю, называть воровством те пару канистр, что офицер забрал домой для обогрева своего жилища, даже как-то не поворачивается язык.

Здесь, кстати, весьма любопытен имевший место некий психологический поворот. Ведь как считалось. Пока офицер таскал с аэродрома «шмурдяк» и керосин чисто для себя, так сказать, для «внутреннего употребления», он оставался в моральном отношении чист и неподсуден. Но как только он начинал сбывать добытое «налево», начинал, как это говорится, «делать деньги», он тут же превращался в махрового делягу и гарнизонное общественное мнение мгновенно выносило ему свой суровый нелюбезный приговор.

Кстати, «шмурдяк», при всей своей востребованности у местного населения, очень трудно было превратить в звонкую монету. Как раз в силу отсутствия этой самой звонкой монеты у населяющих ближайшие деревни «аборигенов». Конечно, в крупных городах найти канал сбыта «шмурдяка» было бы совсем несложно, тем более в период бушевавшей в стране антиалкогольной кампании – когда спиртное уверенно перешло в категорию остроредифицитных товаров, а очереди в винно-водочные магазины по своей длине прочно обогнали известную и давно ставшую притчей во языцех очередь в Мавзолей. Но, увы, большие города были от нас далеко, и всякий раз между поставщиком и потребителем непреступной стеной вставала извечная орловская транспортная проблема.

• Весёлый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Людмила Леоненкова,**Белый**

Я копалась в огороде,
Надо мной сирень цвела.
Поработала чуть вроде –
Разболелась вдруг спина.

Разогнуться нету силы,
Слезы жгучие из глаз.
«Эк, тебя перекосило, –
Крякнул муж, – на этот раз».

Подбежал, подставил руку,
Ходит кругом так и сяк.
Боже правый, что за мука?
Не подняться мне никак!

Я ползу, глотая слезы,
Толи плачу, толь скулю.
Доползаю до березы.
Встать – никак! На крик кричу.

Рядом заросли сирени,
Тонкий, нежный аромат.
В двух шагах родные сени.
Но до них добраться как?

Вспоминаю, что в кладовке,
С краю, в самом уголке,
Среди баночек на полке,
Есть настой на радость мне.

Гроздьбы пышные сирени
Я рвала позавчера,
Настояла на «For мене»,
В склянку темную слила.

Дать ему бы настояться
Надо двадцать один день.
Но мне столько не дождаться,
Выручай меня, сирень!

На такой подобный случай
Я готовила настой.
Да и боль коленки крутит –
Мажу мазью дорогой,

А сирень – ее вон сколько.
Хоть корзинами носи.
На спирту настой, на «горькой»,
На воде отвар вари.

Да к тому же помогает
Очень действенно она.
Кто спиной, как я, страдает
Позарез она нужна.

Муж принес настойку в банке,
Живо спину мне растер.
Боль, лихую самозванку,
Сжег занявшийся костер.

Добралась я до дивана,
Полежала полчаса,
И без всякого изъяна
В огород опять пошла.

**Поэтические забавы:
перекинулись стихами**

Игорь Столяров,**Нелидово**

Ночь над городом кромешная,
Брежит только вдалеке.
Улетает муза грешная
В твой поселок на реке.
Потускнели звезды зимние
Дальней россыпью монет.
Нет печали неизбывнее,
И меня как будто нет...
Утром тучи легкотельные
Ветер бьет исподтишка,
В спальне стынет простынь белая,
Как январская тоска.
Мне под эхо междустенное
Пить разлуки черный чай.
Отдал сердце сокровенное
И молю: "Не возвращай!"

Наталья Иванова,**Пено**

Ночь висит над городом безбрежная,
В небе звёзды охладили пыл.
Видно, кто-то ночью той кромешною
Ненароком сердце обронил.
Там поэт в печали с музой грешною
Погулять решил к исходу дня.
А с рассветом, чуть зарей забрезжило,
Намекнул, что сердце – у меня.
Улетела муза вдохновенная.
Тучам в небе не было числа.
Он твердил, что отдал сокровенное,
Хоть я и клялась, что не брала.